

Э. Лассан
Каунас, Литва

E. Lissan
Kaunas, Lithuania

**ОБ ОБРЯДОВЫХ ЖАНРАХ ИНТЕРНЕТА
(НА ПРИМЕРЕ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ,
СВЯЗАННЫХ С ПОЯВЛЕНИЕМ
НОВОРОЖДЕННОГО)**

**ON THE INTERNET GENRE OF RITUAL
(BASED ON NEW BABY GREETINGS)**

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности поздравительных интернет-текстов, созданных по случаю появления новорожденного. Автор анализирует тексты трех культур – русской, немецкой, польской, опираясь на сделанные ранее наблюдения над взрослыми поздравлениями, описанные им в статьях Интернет-поздравления как явление национальной культуры [1] и Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах [2]). Автор полагает, что интернет-жанры близки фольклорному творчеству и отражают национально-культурные особенности мышления в определенный временной период. В результате проделанного описания автор приходит к выводу о большей близости русских взрослых и детских поздравлений, нежели это имеет место в польском и немецком соответствующем жанре. На взгляд втора, это может быть связано с тем, что ребенок не рассматривается в русской культуре как полноценный коммуникант. Автор выделяет ряд особенностей детского поздравительного жанра в каждой культуре, пытаясь объяснить их сценариями мышления анализируемых культур.

Ключевые слова: интернет-жанры, фольклорное творчество, сценарии мышления в разных культурах.

Abstract. The article focuses on the genre characteristics of online new baby greetings. The author investigates texts appearing in three cultures – Russian, German and Polish with a reference to earlier observations of «adult» greeting presented in the article «The Mental Scenarios and the Internet Centre Etiquette of Different Cultures (based on online greeting in four languages)» (2012). The author regards internet genres as remarkably similar to folklore and therefore likely to reflect the national culture-related way of thinking in a particular period of time. The author's observations lead her to conclude that there is a greater similarity between Russian «adult» and «children's» greetings than in the texts of the same genre in German and Polish. The author assumes that it may ensue from the fact that in the Russian culture a child is not traditionally regarded as a fully fledged interlocutor. The author singles out a number of peculiarities of «children's» greetings genre in each culture studied seeking to explain them through mental scenarios of the cultures.

Key words: Internet genres, folklore creative work, mental scenarios in different cultures.

Key words: Internet genres, folklore creative work, mental scenarios in different cultures.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, хабилизированный доктор гуманитарных наук, профессор филологического факультета, кафедры русской филологии. Место работы: Вильнюсский университет
E-mail: eleonora.lissan@flf.vu.lt

About the author: Lissan Eleonora, Habilitated Doctor of Humanities, Professor of Philology Faculty, Department of Russian Philology. Place of employment: Vilnius University

В предлагаемой статье мы будем говорить о жанрах, которые, на наш взгляд, можно назвать обрядовыми: существуют воспроизводимые в жизни ситуации, имеющие для субъекта символическое значение и требующие соответствующего оформления. Это оформление приобретает характер некоторых ритуализованных (оформленных по правилам) речевых актов-фраз – высказываний, имеющих сходство как на уровне содержания, так и на уровне формы и также играющих определенную символическую роль. В данном случае мы говорим о существующих на интернет-сайтах поздравительных текстах, поводом к осуществлению которых является рождение ребенка. Поль-

зование таким текстом есть речевой акт, также имеющий в определенной ситуации символическое значение: он свидетельствует о симпатии говорящего к адресату и обеспечивает обеим сторонам психологическое удовлетворение, равно как и проектирует возможное будущее адресата. Автор уже рассматривал поздравительные речевые акты, сводимые к основной мысли: «поздравляем с днем рождения!» – в таких статьях, как Интернет-поздравления как явление национальной культуры [1] и Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах [2]). Проведенный анализ позволил говорить о том, что в рамках интер-

нет-культуры сложился речевой жанр поздравлений, имеющий фольклорный характер: тексты часто анонимны или кочуют с сайта на сайт, напоминая передачу текста в устном народном творчестве. Так, например, на немецких сайтах вместо подписи стоит неизвестный составитель. На русских сайтах имеет место различная представленность автора – от отсутствия подписи до полного указания имени и фамилии создателя текста, что может быть связано с отмеченной в статье о жанре интернет-поздравлений [2] тягой к самовыражению у носителей русской культуры. Говорить об особом речевом жанре мы полагаем возможным на основе трех жанровых составляющих (по М. М. Бахтину): содержание, композиция, стиль. Как уже отмечалось, обрядовыми мы называем их в силу того, что они сопровождают некое циклически воспроизводимое событие и осуществляются по определенным правилам. Существование текста в таких ситуациях есть подчеркивание внимания к событию в жизни адресата, при этом такие события характерны для членов социума в целом, то есть воспроизводятся в жизни и отражаются в культуре. Наличие поздравительных текстов воспринимается адресатом как свидетельство интереса к его личности со стороны других людей, чья выраженная симпатия должна улучшить жизненную энергию адресата. Проведенный ранее анализ поздравительных текстов в трех культурах (русской, немецкой и польской) позволил говорить об их национальной жанровой специфике, что требует от человека, вступающего в другую культуру, определенной адаптации к существующим правилам жанра, чтобы такие тексты не показались непривычными или, более того, нелепыми.

В результате исследования поздравительных текстов трех культур, приуроченных к дню рождения, автором были сделаны некоторые обобщения относительно специфики данного речевого жанра в определенной культуре. Так, для русских поздравительных текстов характерным является: **1)** многократное выражение субъекта поздравления в тексте поздравления (через местоимение или личное окончание), что рассматривалось автором как проявление эгоцентризма, поддерживаемого говорением о себе – чувстве, испытываемым говорящим по отношению к адресату; **2)** наличие обращений, свидетельствующих о включении адресата в ближний круг (*родная, любимый*); **3)** характерный объект пожеланий, отражающий ценности культуры: *здоровье, счастье, любовь*; **4)** частое использование выражения *от души*, коррелирующее с признанием ду-

ши ключевым понятием русской культуры; **5)** использование повелительного наклонения с частицей *пусть* в пожеланиях. (*Пусть не будет у тебя несчастья*). Побуждение в таком случае адресовано некоторой безличной силе, способной выполнить желаемое, адресат при таком пожелании предстает пассивным получателем даров (бенефициантом); **6)** безграничный оптимизм пожеланий, в которых жизнь мыслится как полоса ничем не омрачаемого счастья (*Пусть счастье Вас не покидает, здоровье пусть не убывает; Пусть дни вашей жизни текут безмятежно, пусть счастье сверкает, как солнечный луч*). Ритуализованность такого текста, особая синтаксическая форма императивного (или оптативного?) предложения с частицей *пусть* побуждала автора увидеть его близость к жанру заклинаний, что подтверждало близость поздравлений к фольклорным жанрам. С другой стороны, здесь можно усмотреть отражение той неактивности носителей русской культуры, которая побуждает их видеть источник исполнения пожеланий не в человеке-деятеле, а в некоей могущественной и безличной силе.

В польских текстах, рассмотренных автором, практически не встречалось слова *pogratulowac* (*поздравлять*). Если говорить о ценностях, которые являются объектом пожелания в польских текстах, то они несколько отличаются от русских, как и от немецких. «Здоровье», «счастье», «любовь» – ценности совпадающие. *Улыбки, смех, мечта* – слова, реже встречающиеся как в русских поздравлениях, так и в немецких. В поздравлениях создается атмосфера некоторой фамильярности, семейственной близости, в общем-то, не требующей изысканных этикетных форм – так ощущает тональность этих поздравлений носитель русской культуры (автор говорит о своих ощущениях и ощущениях своих коллег, познакомившихся на этапе написания статьи с анализируемыми текстами). Можно сказать, что в польских текстах проскальзывает любовь к удовольствиям – ее коррелятом является частое употребление слова *sladkiy*: *Bądź słodziutka jak szarlotka* (*будь сладкой, как шарлотка*). Частица *niech* (*пусть*) также встречается в польских текстах (*niech życie słodko płynie*), однако гораздо реже, чем в русских, что лишает их заклинательного характера русских поздравлений.

В немецких поздравительных текстах автор отметил **1)** значительно меньшую встречаемость самого глагола *gratulieren* (*поздравлять*), через личное окончание которого говорящий обозначает себя; **2)** они адресованы не безличной силе, а человеку-

деятелю, которому желают мужества (*Mut*) и силы, для того чтобы исполнить задуманное и через год, в следующий день рождения, подвести итоги прожитого и с удовлетворением осознать, что все было сделано правильно; **3)** немецкие тексты, таким образом, обращают внимание адресата назад, побуждая окинуть мысленным взором прошедший год – в противоположность русским текстам, которые смотрят только вперед. Возможно, анализ немецких поздравлений позволяет подтвердить мысль о германском практицизме, сосредоточенности на переживаемом моменте как черте национального характера, противопоставляемой в историографии славянской веселости и легкомыслию [3 : 217–218].

В данной статье мы попытаемся сравнить поздравительные тексты трех культур, связанные с появлением в семье новорожденного. Возможно, они подтвердят воспроизводимость черт, приписанных нами проявлениям национального способа мышления в создании текстов соответствующего жанра, или откроют новые стороны сценариев мышления в культуре. Автор предупреждает, что им сделана только попытка осмысления данного жанра, базирующаяся на небольшом количестве просмотренных сайтов, однако и она может задать начальную точку для более подобных исследований аналогичных жанров.

Итак, **русские сайты** содержат как анонимные тексты, так и тексты, где указано авторство. Рассмотрим их в одном ряду, хотя следует отметить, что авторские тексты гораздо менее лаконичны. Заслуживает внимания тот факт, что русские поздравительные интернет-тексты чаще носят стихотворный характер (в отличие, напр., от польских). Видимо, рифма призвана отделить текст от повседневных высказываний, придав ему особый торжественный характер: *Ребенку вашему здоровья / Удачи и всех благ желаем! / С рождением его сегодня / Мы все семейство поздравляем!* ([playcast.ru/view/2304603/...](http://playcast.ru/view/2304603/)).

Отметим адресованность поздравления одновременно и ребенку, и семье (при этом адресаты обозначены не местоимением, когда люди разговаривают друг с другом [4 : 136], а существительными), что создает ощущение некоторой дистанции между адресатом и адресантом, поскольку адресат не представлен как непосредственный участник диалогического общения. Адресант находит здесь свое выражение в личном окончании глагола первого лица. Ценности культуры обозначены сразу – *здоровье, удача, благо*. Об удаче как одном и

ключевых слов автору не раз доводилось писать: оно означает ценность счастливого случая, не связанного с усилиями субъекта по достижению цели, что в целом коррелирует с отмечаемой А. Вежбицкой некоторой пассивностью носителей русской культуры, их надеждой на не зависящее от них стечение обстоятельств [5].

Поздравляем от души / Вас с рождением ребенка, Пусть он вырастет большим, Пусть смеется / звонко-звонко, / Счастлив будет пусть всегда, А болеет – крайне редко, Ну, а вырастет когда – Будет вам опорой крепкой! (pozdravlandia.ru).

Этот текст адресован родителям, которые выступают как непосредственные участники коммуникации, благодаря местоимению *Вас*. Пожелание счастья, смеха как его проявления, здоровья осуществляется через повелительное наклонение с частицей *пусть* – и здесь побуждение адресовано безличной силе, способной осуществить желаемое. Выражение *пусть он вырастет большим* оставляет двоякое чувство – то ли речь идет о высоком росте появившегося на свет существа, который он приобретет в будущем, то ли о возрасте – в таком случае подобное пожелание имплицитно подразумевает возможность того, что этого может и не случиться. Обратим внимание на **мотив опоры**, которой должно стать в будущем появившееся дитя – этот мотив повторяется достаточно часто в русских поздравительных текстах (следует отметить его уменьшение в текстах последнего времени):

В доме пусть опорой будет, стариков своих пусть любит. / Пусть он растет на радость, Опорой будет вам на старость (<http://datki.net/pozdravleniya-s-novorozhdennim/>); *У вас родился сын, Надежда и опора* (pozdravleniye.ucoz.ru/blog...s_novorozhdennym/1-0-17/); *Пусть она растет всегда счастливой И опорой станет в трудный час* (bezdatu.ru/newborn.html?start=3).

Трудный час или старость весьма часто мелькают в русских поздравительных текстах, что может соотноситься с типом культуры, где присутствует боязнь неопределенности (ср. параметры культуры по степени отношения к неопределенности [6]) и где от будущего не ждут подарков (русская судьба чаще сулит больше плохого, чем хорошего). *Ребенка подарили небеса, Пусть он растет на радость, Опорой будет вам на старость* (www.pozdrav.ru/nr2.shtml); */ И главное – пусть из этой крохи вырастет хороший человек, который на старость лет, станет вам прочной опорой /* (pozdrav.ru/novorozhdennomu/pozdravlenie-s-

rozhdeniem-rebenka.html); Поздравляю вас с рождением сына я сейчас, Пусть он будет самым милым же для вас. Продолженьем рода и опорой вашей (prikolyandia.ru/2693-pozdravleniya-s-novorozhdennym-synom.html).

Отмеченный в исследованных нами ранее текстах безграничный оптимизм относительно перспектив жизни новорожденного¹, присутствует и в текстах данного жанра: *Пусть ваш ребенок будет счастлив и здоров, Пусть не знает докторов. Чтоб верные друзья по жизни рядом шли, Чтоб горести и беды стороной обошли, И пусть никогда он не ведает грусти, скуки и тоску!* (<http://lovelyprazdnik.ru/pozdravleniy-s-novorozhdenim.html?layout=blog&start=30>).

Естественно, люди знают, что прожить жизнь совершенно безоблачно практически невозможно, тем более, если в культуре утверждается словами Достоевского, что человеку пострадать надобно. Поэтому такие тексты представляются мне семантически опустошенными, с одной стороны, а с другой – являют некоторую мечтательность национально-культурного способа мышления: человек, знающий беды, предполагает наличие трудного часа и в то же время полагает возможным безграничное безмятежное существование. Это пожелание, на мой взгляд, может вырастать от обратного: я это испытал и хочу, чтобы ваш ребенок этого не знал (по тому, что желается, можно составить список горестей, переживаемых носителями культуры).

Отметим в качестве особенности недостаточно частое использование слова *счастье* в таких текстах: ребенку желают быть счастливым, счастья желают взрослым. Почему? Возможно, счастье для носителя русского языка и культуры – категория взрослой жизни, оно есть нечто большее, чем просто сумма слагаемых ценностей: мы вам желаем всей душой *любви, здоровья, счастья* – нечто, что существует само по себе и вместе с тем недостаточно определено по со-

¹ Возможно, этот оптимизм объясняется мнением некоторых исследователей о том, что в русской традиционной культуре «феномен счастья существует как концепт судьбы... Счастье-судьба выступает как эманация Абсолютного начала, выражающаяся в форме задаваемых условий и возможностей бытия. В ней приоритетно жизненное начало, доминирование позитивного мировоззрения... Счастье в традиционной культуре выражает себя через эмоцию счастья-радости, укорененного в сознании этноса в многочисленных формах несокрушимого оптимизма, веры-надежды, христианской благодати, веселости, юморе, разрушающих стереотип отсутствия в русской культуре позитивного мировоззрения» [7].

держанию. Мыслясь часто как отсутствие несчастий², взрослое русское счастье может актуализироваться в поздравительных текстах и потому, что носители культуры знают о том, какие трудности связаны со взрослым существованием в отличие от детского, представляющегося им чаще безоблачным. Пожелания *быть счастливым* относят это состояние к будущему, создают временную перспективу для его осуществления (когда ребенок вырастет), в то время как формула *желаю счастья* не означает откладывания этого состояния на прекрасное далеко.

К вопросу о русском счастье мы еще вернемся в конце статьи, когда, анализируя тексты немецкой культуры, увидим всеобъемлющий и самодостаточный характер немецкого Glück.

Наряду с отмеченным несокрушимым оптимизмом русских текстов можно отметить еще одну черту анализируемых поздравлений: пожелание, чтобы ребенок был лучше всех, чтобы он стал предметом гордости для родителей:

Пусть же счастье умножится ваше, Будет ребенок всех лучше и краше! / Чтобы вырос ваш пацан лучше всех, на радость нам! (<http://lovelyprazdnik.ru/pozdravleniy-s-novorozhdenim.html?layout=blog&start=30>); *Пусть ваши малыши растут здоровым, Счастливым, радостным, веселым. Пусть крепнет он из года в год, И пусть гордится им народ / Будет умным, добрым самым – Вы мечтали о таком! Пусть гордятся мама с папой замечательным сыном!* (statuso.ru/kak-pozdraviti-roditeley-s-rozhdeniem/) *Умным, смелым пусть растет, помощником родителям! И по жизни пусть идет только победителем!*

Возможно, здесь следует говорить не только о реализации базовой потребности в самоуважении и признании со стороны других, но и о чувстве исключительности, отмечаемом некоторыми культурологами в качестве стереотипа русской ментальности [8] и отражаемом здесь на личностном уровне.

Нужно сказать, что авторские поздравительные тексты сегодня нередко включают элемент сакральности, присущий, по мнению их создателей, появлению ребенка: *Ребенок – это истинное чудо, Которое и вам Господь явил, Ребенок – это радости повсюду, Желаем, чтоб малыш счастливым был!* (Мария Солдатова) / *Ребенок вам сегодня улыбнулся, Ребенка вам сегодня дал*

² «Счастье нужно рассматривать только в связи с несчастьем. И путем «отсечения» несчастий человек может увидеть, счастлив ли он» (<http://www.d-fakti.lv/ru/blog/9215/article/49613/>).

Господь (Наталья Ляшенко) / *Свершилось таинство рожденья, Родился первый ваш малыш, Мы вам приносим поздравленья, Молитвы за него возносим ввысь* (Юлия Струк). Очевидно, оживление религиозного начала в современной русской культуре вызывает к жизни соответствующие образы. Справедливости ради следует отметить, что авторами текстов, включающих имя Господа, являются, как правило, женщины, что коррелирует с наблюдениями социальных психологов о большей акцентуации религиозного чувства у женщин: В сознании мужчин и женщин происходит различная акцентуация религиозного чувства и религиозного поведения. Религиозное поведение более ярко выражено у женщин, их религиозность обрядна, ведь отождествление права назвать себя верующей у них происходит с выполнением определенного комплекса религиозных традиций и правил [9].

Подведем итог краткого очерка русских поздравительных текстов, связанных с рождением ребенка: 1) говорящий четко обозначен личным глаголом; 2) адресат – родители, новорожденный чаще исключается из числа непосредственных коммуникантов; 3) преобладают стихотворные тексты; 4) пожелания выражены главным образом повелительным наклонением с частицей *пусть* – при таком выражении исполнение желания не мыслится зависимым от воли субъекта; 5) в пожеланиях (*здоровье, счастье, радость для родителей*) сложность жизнь не представлена: согласно пожеланиям жизнь можно прожить без каких-либо трудностей; 6) ребенок мыслится как опора родителям в старости или в трудный час; 7) ребенок должен быть самым.... В целом дух поздравлений, адресованных молодым родителям, близок духу русских взрослых поздравительных текстов, прежде всего, выраженностью говорящего, адресованностью побуждений безличной силе (*пусть*) и безграничным оптимизмом, проявляющимся в том, что говорящий игнорирует сложность бытия, полагая возможным ничем не омраченное счастье. По словам М. В. Лапухиной, русская культура в данном случае выступает как амбивалентная ценность. С одной стороны, за ней закрепился устойчивый стереотип отсутствия счастья как базового аспекта мировоззрения. С другой – аналитика корпуса традиционных воззрений, совокупно представленных системой мифо-религиозных верований, нравственными нормами, фольклорным материалом, книжной культурой, в полной мере развенчивает это [7]. Здесь можно добавить, что и поздравительные тексты вносят свою лепту в развенчание мифа о

ценности страдания в народной русской культуре. Вместе с тем поздравления, адресованные молодым родителям, открывают новый аспект мыслительных сценариев бытия, не отмеченный нами для взрослых поздравлений: в трудный час нужна опора, и ребенок мыслится как такая опора в старости. Носитель русской культуры и здесь заглядывает вперед, и это будущее уже не представляется ему безоблачным.

Особенность русских поздравительных текстов анализируемого жанра высвечивается ярче в сравнении с подобными текстами других культур, обращение к которым помогает осознать как универсальность, так и национальную специфику сценариев мысли, воплощаемой в рамках данного жанра.

Рассмотрим польские «*Życzenia na Narodziny Dziecka*» (<http://zyczeniaaurodziny.com.pl/zyczenia/na-narodziny-dziecka>).

*Dla całej Waszej rodziny serdeczne gratulacje z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty. Abyście w nowym składzie stanowili zawsze szczęśliwą i zgodną rodzinę. Najserdeczniejsze życzenia zdrowia, miłości, ciepła i wyrozumiałości.*¹

Отметим сразу гораздо более официальный стиль прозаического поздравления, где указан повод создания текста: *z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty*. Эта формула (*z okazji* – по поводу) встречается весьма часто, что не отмечалось для русских поздравлений названного жанра. На польских сайтах есть и стихотворные поздравления, однако они менее многочисленны по сравнению с русскими текстами.

*Z okazji narodzin Waszego Maleństwa, które napełniło Wasz dom radosnym gwarem i ruchem, życzymy mu beztroskiego i zdrowego dzieciństwa, a wszystkim Wam – odkrywania nowych uroków wspólnego życia. Dużo szczęścia i zdrowia dla Maleńkiej Istoty, która właśnie przyszła na świat oraz gratulacje dla Młodych Rodziców.*² (<http://www.iwoman.pl/zyczenia/zyczenia-na-narodziny-dziecka.html>).

¹ По поводу появления на свет нового существа приносим поздравления всей вашей семье. Чтобы в новом составе в вашей семье царили счастье и согласие. Самые сердечные пожелания здоровья, любви, тепла и терпения.

² По поводу рождения вашего малыша, наполнившего дом радостным ритмом и движением, желаем ему беззаботного и здорового детства, а всем вам – открытия новых прелестей совместной жизни/Много счастья и здоровья для маленького существа, которое пришло на свет, а также поздравления молодым родителям/ сердечные поздравления по поводу появления на свет нового существа.

Приведенные тексты позволяют говорить как о большей клишированности их по сравнению с русскими текстами (повторяющиеся этикетные формулы), так и о большей «трезвости» пожеланий, адресованных как семье, так и непосредственно новорожденному (*życzymy tu*), обозначаемому часто местоимением третьего лица, а не существительным, как это было в русских текстах (*ребенок*). Так, семье (*rodzine*) желают счастья, лада, здоровья, любви, тепла и терпения. Вот это пожелание – **терпения** – говорит о более реалистичном взгляде на семейную жизнь и воспитание детей. Малышу желают беззаботного и здорового детства (*beztróskiego i zdrowego dzieciństwa*), при этом особо подчеркивается сам факт появления на свет нового существа:

Dużo szczęścia i zdrowia dla Maleńkiej Istotki, która właśnie przyszła na świat (много счастья и здоровья для маленького существа, пришедшего на свет) / serdeczne gratulacje z okazji pojawienia się na świecie nowej istoty (сердечные поздравления по поводу появления на свет нового существа).

Интересно использование существительного *istota*, которое может быть переведено на русский язык и как *существо*, и как *творение, создание*. В русских текстах чаще используется слово *малыш, ребенок*; возможно, автор достаточно субъективно судит о смыслах, коннотируемых польским словом, но ему как носителю русского языка представляется, что *ребенок* (или *малыш*) в большей степени отчужден от мира взрослых, чем *живое существо* или *творение* – последнее слово вызывает в сознании носителя русского языка представление о божественном начале случившегося. Возможно, в силу того что появившееся существо мыслится как полноценный член общества (*Nowej obywatelce świata niech życie z róż się upłata – для новой гражданки мира пусть жизнь будет устлана розами*), пожелания могут быть адресованы непосредственно новорожденному: *W dniu Twojego przyjścia na świat życzymy Ci, aby każda łza w Twoim życiu była łzą szczęścia, a uśmiech Twój zjednywał wszystkie wokół serca.*¹ Здесь нельзя не отметить еще одной черты – пожелания создать некое человеческое единство, вызвать симпатию у других. Бросается в глаза установка на совместность, общность, чего, как нам кажется, не было в русских текстах. Так, например,

¹ В день твоего прихода на свет желаем, чтобы каждая твоя слеза была слезою счастья, а смех твой отзывался во всех сердцах.

родителям желают открывать новые прелести совместной жизни (*odkrywania nowych uroków wspólnego życia*). В целом беглый обзор польских «*Życzeń*» побуждает автора думать, что этот жанр отличается от жанра польских взрослых поздравлений – большей официальностью, клишированностью и, если можно так выразиться, серьезностью, вызванной осознанием значимости происшедшего (появлением на свет нового существа). От русских текстов польские отличаются наличием этикетной формулы (*Z okazji narodzin*), вовлечением новорожденного в круг непосредственных адресатов, иным способом именования новорожденного, меньшим разнообразием пожеланий малышу (в основном желают беззаботного, здорового детства и счастья) и его родителям: здесь акцент делается на семейных ценностях, укрепляемых рождением ребенка. Говорящий выражен в очень незначительной степени: этикетные формулы: *сердечные поздравления, сердечные пожелания, много счастья для...* – позволяют избежать обнаружения адресанта. В польских текстах отсутствуют пожелания, аналогичные русским императивным высказываниям с частицей *пусть*, где императив адресован безличной и безликой силе.

В немецких текстах данного жанра (<http://www.sprueche-und-uensche.de/geburt/glueckwuensche-zur-geburt/>) говорящий обычно выражен, однако в несколько меньшей степени, чем в русских: *möchten wir Euch alles Gute wünschen (хотим пожелать всего доброго) / Wir wünschen Euch und Eurem Kinde (мы желаем Вам и вашему дитя) / wir gratulieren recht herzlich (мы поздравляем от чистого сердца) / Wir freuen uns mit Euch (мы радуемся вместе с Вами)*; часто такие тексты содержат поздравление или пожелание, не открывающее говорящего: *Herzliche Glückwünsche zur Geburt (сердечное пожелание счастья к рождению...); Gratulation zu Eurem süßen Fratz (поздравления вашему сладкому продолжателю рода); Herzliche Glückwünsche zum freudigen Ereignis von... (сердечные поздравления к радостному событию); Gratulation zur kleinen Tochter! (поздравления маленькой дочери).*

Выше мы говорили об утопическом характере русских пожеланий, представляющих жизнь как ничем не омраченное бытие, в котором сливаются многие составляющие. В немецких текстах встречаются упоминания об ожидаемых трудностях и пожелания с достоинством их переносить: *Kinder sind nicht nur kleine Elfen Eltern sein – oh, schöne Bürde! Wir wünschen euch, tragt sie mit*

Würde.¹ Говоря о текстах, созданных по поводу юбилеев, мы отмечали взгляд в прошлое, пожелание юбиляру, подводя итог прожитого, оставаться довольным им. В текстах, адресованных новорожденному, разумеется, таких пожеланий быть не может. Тем не менее, можно усмотреть некоторую ретроспективность и в этих текстах: так здесь может быть выражено удовлетворение по поводу того, что событие (роды) прошло хорошо, или подчеркивается ожидание события (*Nach neun Monaten Wartezeit ist es nun soweit – после девяти месяцев ожидания это наконец-то позади*), исполнившаяся мечта, что, в общем, равносильно взгляду в прошлое: *Glückwunsch zum erfüllten Traum!* (пожелания счастья по поводу исполнения мечты)

Немецкие пожелания менее разнообразны по характеру желаемых вещей, поскольку в большей степени клишированы; эта клишированность сводится к единой формуле: пожеланию **счастья**. Тексты-поздравления так и называются: **сердечные пожелания счастья**. Каждое немецкое поздравление без преувеличения содержит слова *счастье* или *радость*: *Zum freudigen Ereignis liebe Wünsche für Eltern und Kind. Glück und Fröhlichkeit sollen Euch für immer begleiten*.² Счастье и радость мыслятся не как желательные, зависимые от чьей-то безличной силы, как в русских текстах (*пусть....*), а как должные сопровождать родившегося человека.

Пожелание адресовано обычно родителям, часто обозначаемым вторым лицом, что создает ощущение непосредственной коммуникации. Однако и ребенок не исключается из числа коммуникантов: *Zum freudigen Ereignis liebe Wünsche für Eltern und Kind* (по поводу радостного события милые пожелания для родителей и ребенка) / *Herzliche Glückwünsche zur Geburt der/des kleinen* (Name einfügen – имя вставить) – имя новорожденного часто включается в пожелания, чего нет в русских текстах. И все-таки то, что отличает русский текст от немецкого, – это единообразие последнего в отношении главной ценности – счастья, не дополняемого, как правило, сопровождающими ценностями. Здесь счастье предстает базовой ценностью, исключаящей (или включающей) все другие блага. *Радость и счастье* – вот доминанта

¹ Дети – не только маленькие эльфы, и мы желаем родителям с достоинством нести их прекрасный груз.

² По поводу радостного события пожелания с любовью для родителей и ребенка. Счастье и радость должны повсюду сопровождать Вас.

немецких пожеланий. Здесь все лаконично, примерно так, как в русской песне: **мы желаем счастья вам...** – и эта лаконичность устраняет русскую безмерность желаемых благ, создающую впечатление утопичности желаемого. Как ни парадоксально, но на фоне немецкой тональности поздравительных текстов, русские тексты кажутся исполненными меньшей радостности, хотя бы потому, что в них реже встречаются слова *радость* и *счастье*. Немецкие адресанты делят чувства с новоиспеченными родителями, и оттого счастливых людей становится как будто больше. Возникает закономерный вопрос о русском и немецком счастье, что, очевидно, предполагает отсылку к протестантской и православной этике. В русской культуре традиционно страдание полагается базовой ценностью, счастье же, если исходить из пословиц и поговорок, не слишком известно носителю русской культуры: *Наше счастье – решето дырявое*. Интересно, что сайты с русскими пословицами о счастье содержат в большом количестве выражения, содержащие слово *беда*: *Беда на беде и бедой погоняет* (<http://пословица-поговорка.рф/poslovicy/poslovicy-o-schaste>). Немецкие же пословицы о счастье весьма многочисленны. Как отмечает И. Г. Колиева, многие немецкие идиомы не имеют русских эквивалентов – существуют непересекающиеся смысловые подгруппы: нем. большое счастье опасно и русское счастье в несчастье отражают, по мнению исследователя, национально-культурную специфику в интерпретации феномена счастья [10 : 109]. Очевидно, такое различие в интерпретации связано с особенностями религиозного сознания: протестантизм предстает религией счастья на земле, в то время как другие христианские конфессии видят в земной жизни обитель печали и страдания. Интересно толкование Нагорной проповеди пастором Калифорнийской церкви Благодати Макартуром, заменяющим в речи Христа слово *блаженны* (блаженны плачущие, блаженны гонимые..., блаженны миротворцы и т.д.) синонимичным на его взгляд, словом *счастливы* [11]. И знаменитая проповедь, по Макартуру, оказывается проповедью счастья.

Подведем некоторые итоги. На фоне текстов немецкой и польской культур русские тексты оказываются более свободными по своей форме, менее жестко ритуализованными (см. [12]), их отличает большая выраженность говорящего, отсутствие упоминания о сложных моментах воспитания детей, которые в поздравительных русских текстах в меньшей степени, чем в польских и немецких, являются адресатами пожела-

ний. Не детям, а родителям адресованы эти тексты, родителям, для которых дети должны стать опорой в трудный час и доставить гордость своей исключительностью. Разумеется, переходя на почву другого языка, необходимо владеть обрядовыми речевыми жанрами, поскольку ситуации, вызывающие их к жизни, при всей своей символической торжественности, весьма повседневны. Но за такими достаточно ритуализованными жанрами скрывается большее – черта национальной культуры, национального сценария мышления о бытии. Проведенный весьма беглый анализ позволяет сделать первоначальное предположение о том, что русские поздравительные тексты, написанные как по поводу юбилеев, так и по поводу появления в семье новорожденного, являют большую близость, чем тесты немецкие или польские. Возможно, это связано с тем, что в русской культуре в рамках обоих жанров адресатами мыслятся взрослые получатели текста, а дети воспринимаются как не обладающие статусом полноценного коммуниканта и гражданина. Из этого вывода должен следовать и другой – об ином взгляде на отношения между взрослыми и детьми в русской культуре, однако автор опасается без должной проверки (опросов, анкетирования) даже приближаться к этой мысли. Но вот потребность счастья, содержание которого так и остается неопределенным для носителя русской культуры, и проглядывающая в таких текстах тревога за завтрашний день, в котором потребуются опора, представляются автору отличительными чертами анализируемого русского поздравительного жанра, коррелирующими с амбивалентным характером загадочной русской души.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лассан Э. Интернет-поздравления как явление национальной культуры // *Стилистика завтрашнего дня* : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. Москва : Медиа. Мир, 2012. С. 151–167.
2. Лассан Э. Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах) // *Respectus Philologicus*, 2012, no. 22 (27). С. 21–36.
3. Лескинен М. В. Стереотип веселого поляка в описаниях польского национального характера эпохи просвещения и романтизма // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. Вып. 2 (1). С. 216–223.
4. Розениток-Хюсси О. Речь и действительность. М. : Лабиринт, 1994. 210 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

6. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 2nd. ed., McGraw-Hill USA, 2005. 300 p.

7. Лапучина М. В. Аналитика счастья в русской культуре. URL: <http://www.dissercat.com/content/analitika-sushchnosti-schastya-v-russkoi-traditsionnoikulture#ixzz3pE2cMz00> (дата обращения: 03.11.2015).

8. Сергеева А. С. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Наука ; Флинта, 2004. 319 с.

9. Эфендиева В. Поэтическая религиозность русских поэтов-эмигрантов (по страницам харбинской лирики). URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=lib&id=1780> (дата обращения: 09.11.2015).

10. Колева И. Г. Концепты *Glück* и *счастье* в немецком и русском языковом сознании // *Вестник Костромского ун-та им. Н. А. Некрасова*. Кострома, 2007. Том 13. Вып. 4. С. 107–110.

11. Макартур Дж. Счастье – это... URL: <http://horoshoe.info/taxonomy/term/213> (дата обращения: 10.11.2015).

12. Дементьев В. В. Персонологическая генеристика // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ Наука, 2011. С. 5–23.

REFERENCES

1. Lassan E. Internet-pozdravljenija kak javlenije nacionalnoj kulture [Internet congratulations as a phenomenon of national culture]. *Stilistika zavrashnego dnia: sb. st. k 80-letiyu prof. G. Ya. Solganika* [The style of tomorrow: collection of articles on the 80th anniversary of Professor G. Solganik]. Moscow, 2012, pp. 151–167.
2. Lassan E. Kulturnyje scenario myslenija I etiketnyje internet-zhanry (ob internet-pozdravljenijach v chetyrech kulturach) [The cultural scenario thinking and etiquette internet genres (about internet congratulations to the four cultures)]. *Respectus Philologicus*, 2012, no. 22 (27), pp. 21–36.
3. Leskinen M. V. Stereotip «vesiologo poliaka» v opisaniu polskogo nacionalnogo sharakterata epochi prosvescenija i romantizma [The stereotype of the merry Pole in the descriptions of the Polish national character of the Enlightenment and Romanticism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky]. 2011, iss. 2 (1), pp. 216–223.
4. Rozenstock-Huessy O. *Rech' i dejstvitel'nost'* [Speech and Reality]. Moscow, 1994, 210 p.
5. Werzbicka Anna. *Jazyk. Kultura. Poznanije* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.
6. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 2nd. ed., McGraw-Hill USA, 2005. 300 p.
7. Lapuchina M. V. *Analitika schastjav v russkoj kulture*. Available at: <http://www.dissercat.com/content/analitika-sushchnosti-schastya-v-russkoi-traditsionnoikulture#ixzz3pE2cMz00> (accessed 03 November 2015).

8. Sergejeva S.S. *Russkie: stereotipy povedeniâ, traditsii, mental'nost* [Russian behavior patterns, traditions and mentality]. Moscow, 2004. 319 p.

9. Efendijeva V. *Poeticeskaja religioznost' russkich poetess-emigrantok* (po stranicam charbinskoj liriki) [Russian poetesses poetic religious workers (through the pages of Harbin lyrics)]. Available at <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1780> (accessed 09 November 2015).

10. Koliyeva I. G. *Koncepty Glück i schastje v nemeckom i russkom jazykovom soznanii* [Concepts Glück and happiness in German and Russian language

consciousness]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma University n.a. Nekrasov]. Kostroma, 2007, iss. 4, vol. 13, pp.107–110.

11. Makartur Dz. *Scastje – eto...* [Happiness is...]. Available at: <http://horoshoe.info/taxonomy/term/213> (accessed 11 November 2015).

12. Dementyev V. V. *Personologicheskaja genistika* [Personological genistika]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss.7. Saratov, 2011, pp. 5–23.

Статья поступила в редакцию 15.11.2015.